

на четырех ложах. Тогда пошел он в третий шатер и там увидел сэра Гавейна, лежащего на ложе с его дамой леди Этардой, и они спят, крепко обнявшись. Как увидел он это, сердце его едва не разорвалось от боли, и он сказал:

– Увы, как мог рыцарь оказаться столь вероломен!

И снова сел на коня, ибо от горя не в силах был более там оставаться, но, не отъехав и на полмили, повернул обратно, ибо он решил зарубить их обоих. Но, увидев их обоих крепко спящими в объятиях друг у друга, от горя чуть было не упал с коня и так сказал себе: – Пусть этот рыцарь и вероломен, я не стану убивать его спящего, ибо я никогда не нарушу правил высокого Рыцарского Ордена.

И с тем снова поскакал прочь. Но снова, не проехав и полмили, повернул коня, решившись их все же убить, и на скаку прегорестно сетовал и стенал. Подъехав к шатрам, он спешился, привязал коня к дереву и сам, подняв в руке обнаженный меч свой, пошел туда, где они лежали. Но опять подумал он, что позорно ему убивать их, положил свой обнаженный меч им обоим поперек горл, сел на коня и ускакал.

Вернувшись к своим шатрам, поведал сэр Пелеас рыцарям своим и оруженосцам о том, что увидел, и так сказал им:

– За верную вашу и честную службу я отдаю вам все мое имущество, ибо сам я сейчас лягу в постель и буду лежать не вставая, пока не умру. Когда же умру я, то велю вам: выньте сердце у меня из груди и снесите ей на серебряном блюде под серебряной крышкой и расскажите о том, как я увидел ее на ложе с этим вероломным рыцарем сэром Гавейном.

И с такими словами совлек сэр Пелеас с себя доспехи и лег на свое ложе, прегорестно плача и стеная.

А сэр Гавейн и леди Этарда пробудились ото сна, а у них поперек горл лежит обнаженный меч. И она узнала меч Пелеаса.

– Увы! – сказала она, – сэр Гавейн, вы предали сэра Пелеаса и, меня, ибо вы сказали, что он вами убит, но я теперь знаю наверное, что он жив. А ведь поступи он с вами так же неблагородно, как вы с ним, были бы вы сейчас мертвы. Но вы обманули меня, да послужит мой пример всем дамам и девицам в назидание.

Тут сэр Гавейн собрался и ускакал в лес.

Случилось же так, что Владычица Озера Нинева повстречала одного из рыцарей сэра Пелеаса, пешком блуждавшего по лесу и громко стенавшего. Спросила она его, в чем причина его печали. И горестный рыцарь поведал ей все про своего господина и лорда, как его предали рыцарь и дама и как он решил лежать в постели не вставая, пока не умрет.

– Отведите меня к нему, – сказала она, – и я спасу ему жизнь. Он не умрет, от любви, а та, что внушила ему столь безнадежную любовь, в скором времени сама окажется в таком же положении, ибо не будет радостей, для такой гордой дамы, которая не желает сжалиться над столь доблестным рыцарем.

Привел ее к нему тот рыцарь, она увидела его лежащим на ложе и подумала, что в жизни не встречался ей рыцарь прекраснее. И тут же навела она на него чары, так что он вдруг крепко уснул. Она же поскакала к леди Этарде, а им сказала, чтобы никто не будил его, покуда она не вернется.

Не прошло и двух часов, как она возвратилась с леди Этардой, и застали его обе дамы спящим.

– Взгляните, – говорит Владычица Озера, – вам должно стыдиться, что вы губите такого рыцаря.

И с тем навела на нее чары, и та вдруг полюбила его так сильно, что едва рассудок не потеряла.

– Ах, Господи Иисусе! – воскликнула леди Этарда. – Как могло это случиться, чтобы я теперь полюбила, кого прежде более всех на свете ненавидела?

– То праведный суд Божий, – отвечала Нинева.

Тем временем пробудился сэр Пелеас, поглядел на Этарду и, как увидел, сразу ее признал, а признав, возненавидел более всех женщин на свете.

И сказал он так:

– Прочь ступай, изменница, исчезни с глаз моих навсегда!

Она же, услышав такие его слова, стала плакать и убиваться, как безумная.